

В оригинальном сюжете, который Цзянь Чэнь помнил наизусть, прежний владелец тела обращался к главному герою точно с такой же просьбой. Но в тот раз Чу Яньчжоу пропустил его слова мимо ушей: просто обернулся волком и ушел спать на улицу, а в следующие два дня и вовсе не показывался на глаза.

Когда они встретились вновь, главный герой уже явился со своими подчиненными, чтобы забрать бедолагу в Управление по контролю за оборотнями на допрос.

Разглаживая постель, Цзянь Чэнь неторопливо прокручивал в голове события книги. Он двигался так медленно, что очнулся только тогда, когда к нему подбежал один из котят-оборотней и попытался зубами натянуть край одеяла, чтобы помочь.

— Да все в порядке, — Цзянь Чэнь моргнул и негромко добавил: — Мне совсем не тяжело.

Просто он... толком не знал, как теперь смотреть в глаза Чу Яньчжоу.

Ведь когда он только задавал этот вопрос, он и сам толком не понимал, какими мотивами руководствовался.

Чу Яньчжоу тогда лишь слегка опешил. Он подошел ближе и уставился на юношу столь пристально, что Цзянь Чэнь уже готов был задернуть полог палатки, отгородившись от него всем миром. И лишь в этот момент мужчина тихо, бархатисто рассмеялся.

— Можно, — ответил он тогда. — Конечно можно.

Его смех прозвучал так вкрадчиво и хрипло, что даже сейчас, вспоминая об этом, Цзянь Чэнь чувствовал, как у него вспыхивают кончики ушей.

Это просто запрещенный прием.

Мысленно сетуя на коварство этого волка, Цзянь Чэнь зашевелился быстрее. Наклонившись, он наконец расстелил поверх одеяла теплое покрывало.

С приходом ночи на улице заметно похолодало. Едва Чу Яньчжоу вернулся и приоткрыл полог палатки, как внутрь ворвался сквозняк, заставив юношу невольно поежиться.

Заметив это, Чу Яньчжоу нахмурился и поспешно проскользнул внутрь, задегивая за собой плотную ткань. Он опустил на складной столик пакеты с ужином, но сам почему-то остался стоять у входа, не приближаясь.

Цзянь Чэнь подумал было, что командир занят какими-то делами, и не придавал этому значения. Он подошел к столику и принялся распаковывать еду, но, обернувшись, обнаружил, что

мужчина так и замер на пороге.

— Что-то не так? — с недоумением спросил он.

— Все в порядке, — Чу Яньчжоу не хотел нести холод с улицы к теплой постели юноши, а потому просто перевел тему: — Посмотри лучше, понравится ли тебе ужин.

На этот раз Чу Яньчжоу набрал шашлычков на гриле, но, побоявшись, что Цзянь Чэнь сочтет такую еду слишком вредной для позднего времени, прихватил еще и порцию горячего сытного малагана.

Котята-оборотни, едва почуяв соблазнительный аромат, тут же завертелись под ногами. Цзянь Чэнь усадил их на край стола и раздал каждому по кусочку сочного мяса — пушистые комочки мгновенно принялись уплетать угощение, довольно урча в три голоса.

— Так, это кукуруза, это брокколи... — перечислял Цзянь Чэнь, раскладывая лакомства. Вдруг он замер: — Ой, а это что?

Он указал на пучок какой-то необычной зелени и, наклонившись, осторожно принялся. Понять, что это такое, все равно не удавалось.

— Люцерна, — отозвался Чу Яньчжоу.

Он наконец подошел ближе, присел рядом с Цзянь Чэнем и пояснил:

— Хозяин лавки очень рекомендовал. Сказал, что ее любят и люди, и оборотни.

Цзянь Чэнь удивленно округлил глаза. Он уставился на шпажки, тщетно пытаясь сопоставить эти зажаренные веточки со своей любимой свежей травой.

Спустя пару минут он, видимо, смирился с неизбежным и с деланым пафосом вздохнул:

— Что ж... фантазия у этого повара определенно бьет ключом.

Чу Яньчжоу, который все это время замороженно наблюдал за сменой эмоций на его лице, не выдержал и негромко рассмеялся.

Опустив взгляд, он качнул головой:

— Тут я с тобой согласен.

Выглядело блюдо, прямо скажем, сомнительно, но врожденное любопытство взяло верх. Цзянь Чэнь аккуратно потянул к себе шпажку и откусил кусочек. Вкус оказался довольно специфическим, но на удивление приятным — хотелось пробовать еще и еще.

По мере того как он уплетал угощение, его глаза сами собой довольно сощурились.

За сегодняшний день Цзянь Чэнь набегался так, что перевыполнил норму физических нагрузок на месяц вперед. К тому же праздничный фейерверк можно было прекрасно рассмотреть, просто высунув голову из палатки. Немного подумав, они с Чу Яньчжоу решили никуда не ходить.

Сытые малыши, задрав хвосты трубой, принялись гонять по палатке какую-то новую игрушку. Они шумно возились и кувыркались на полу, пока снаружи внезапно не гроыхнул первый залп праздничного салюта, заставив их испуганно подпрыгнуть.

Цзянь Чэнь к тому времени уже уютно устроился на мягких подушках, пытаясь дорисовать утренний набросок. Покусывая кончик стилуса, он размышлял над композицией, когда раздался негромкий голос Чу Яньчжоу:

— Будем смотреть салют?

Цзянь Чэню и самому хотелось взглянуть, но перспектива замерзнуть на ночном воздухе или тратить силы на то, чтобы натягивать на себя несколько слоев теплой одежды, его пугала. Юноша замялся и нерешительно покачал головой.

Поняв его сомнения без слов, Чу Яньчжоу подошел к выходу и жестом поманил его за собой:

— Иди сюда.

Снаружи вовсю гремело и свистело — небо расцветало яркими красками. Цзянь Чэнь встретился с ним взглядом и послушно, хоть и неторопливо, перебрался поближе.

— Я не хочу переодеваться, — тихо буркнул он.

Чу Яньчжоу мягко улыбнулся:

— И не нужно.

Цзянь Чэнь подошел вплотную, машинально прихватив с собой плед, но так и не понял, что задумал мужчина.

Он открыл было рот, чтобы расспросить подробнее, но Чу Яньчжоу плавно увлек его на расстеленный у порога мат и накинул ему на плечи свою теплую куртку.

Окутанный чужим, манящим теплом и едва уловимым терпким ароматом, Цзянь Чэнь растерялся. Пока он сидел в легком оцепенении, Чу Яньчжоу закрепил полог палатки, открывая вид на ночное небо. В вышине с оглушительным треском распустился очередной огненный цветок, а в следующее мгновение юноша ощутил, как его со всех сторон обняло что-то невероятно мягкое и пушистое.

Запустив пальцы в густую теплую шерсть, Цзянь Чэнь изумленно повернулся.

— Чу Яньчжоу, — рассмеялся он, глядя на огромного серого волка, который кольцом свернулся вокруг него и теперь доверчиво тыкался носом в его ладонь. — Какой же ты хитрый.

Издав негромкое довольное урчание, серебристо-серый зверь приподнял голову и, словно домашний пес, преданно заглянул юноше в глаза, продолжая ластиться к его руке.

Только сейчас Цзянь Чэнь заметил, что в своем истинном обличье Чу Яньчжоу стал как будто крупнее, а его шерсть — еще более шелковистой и лоснящейся, чем во время их первой встречи.

В прошлый раз у него не было возможности как следует рассмотреть волка — тот слишком быстро вернул себе человеческий облик. Упускать такой шанс теперь Цзянь Чэнь не собирался: он молниеносно перехватил мощную лапу зверя, пока тот не успел отстраниться.

Волк явно не ожидал подобной вольности и попытался высвободиться, но пересилил себя. Он послушно втянул когти, позволяя юноше перевернуть лапу подушечками вверх.

— Розовые! — восторженно выдохнул Цзянь Чэнь.

Глаза его сияли от восторга. Он тихонько пискнул и осторожно, едва касаясь, ткнул пальцем в мягкую подушечку.

В отличие от маленьких котят, которые безропотно позволяли тискать свои лапки, дикие хищники из семейства псовых инстинктивно оберегали конечности и терпеть не могли прикосновений к ним.

Чу Яньчжоу не был исключением.

К тому же такой нежно-розовый цвет подушечек среди волков встречался крайне редко. Он совершенно не вязался ни с грозным обликом командира спецотряда, ни с его суровой репутацией, поэтому демонстрировать эту деталь Чу Яньчжоу очень не хотелось.

Он предпринял еще одну слабую попытку забрать лапу.

Однако Цзянь Чэнь с поистине детским любопытством наклонился еще ближе. Свирепо рычать и пугать кролика Чу Яньчжоу не мог, поэтому ему оставалось лишь мягко нажать второй лапой на плечо юноши, пытаясь осторожно отодвинуть его от себя.

Но Цзянь Чэнь намека не понял. Вместо того чтобы отстраниться, он осмелел окончательно, легонько сжал пушистые пальцы волка и приложил свою ладонь к его лапе, сравнивая их размеры.

— Какая же она огромная, — искренне восхитился юноша.

Невольно вспомнились детские сказки, которыми его пугали перед сном: в них серые волки за один укус проглатывали целое семейство кроликов. Теперь Цзянь Чэнь понимал, что это была чистая правда.

К счастью для Чу Яньчжоу, удовлетворив любопытство, юноша наконец отпустил его лапу. Салют в небе продолжался, рассыпаясь мириадами разноцветных искр. Цзянь Чэнь поудобнее перехватил плед и осторожно, прощупывая почву, прислонился спиной к теплому боку зверя.

Оборотни в этом мире в своем истинном обличье значительно превосходили размерами обычных зверей. Огромный волк лежал на полу палатки так, что его тело образовало уютное полукольцо, надежно укрывая юношу от малейшего сквозняка.

За спиной Цзянь Чэня оказалась мягкая шерсть на животе волка — самое уязвимое место для любого зверя. Опасаясь причинить неудобство, юноша попытался немного сместиться, но Чу Яньчжоу мягко боднул его головой в плечо, заставляя окончательно откинуться назад.

В этот момент купол неба озарился сотнями алых сердец. Яркие вспышки отразились в глазах серебристого волка, и его хищные, вертикальные зрачки потеплели, утратив всякую угрозу.

Запустив руки в густой мех великого ёкая, Цзянь Чэнь с наслаждением уткнулся лицом в его грудь. Шерсть была такой теплой и нежной, что его внутренний кролик буквально запрыгал от восторга.

Огненное шоу близилось к финалу. Вслед за последними залпами в воздух взмыли рои светящихся дронов, выстраиваясь в цифры сегодняшней даты.

Убаюканный теплом Чу Яньчжоу, Цзянь Чэнь лениво наблюдал за представлением до самого конца. Котят тоже ненадолго приковывали к выходу, хрустя сушеным лакомством, но вскоре сморились и уснули прямо на полу в самых немыслимых позах.

Когда шоу завершилось, Цзянь Чэнь еле держался на ногах от усталости. Полусонный, на

автопилоте, он позволил Чу Яньчжоу увести себя на умывание, а затем вернуть в палатку. Кое-как сбросив кроссовки, юноша пластом рухнул на постель.

В обычные дни в это время он уже видел десятый сон, усердно собирая воображаемый урожай моркови.

Но сейчас, кое-как переодевшись в пижаму и натянув одеяло до самого подбородка, он обнаружил, что сон как рукой сняло.

Он нащупал свою любимую подушку-морковку, крепко обнял ее и перевернулся на бок, уставившись в противоположный угол палатки.

Некоторое время он лежал неподвижно, поджав губы. На фоне шороха снимаемой одежды Цзянь Чэнь наконец набрался смелости, чуть сдвинул край одеяла и украдкой покосился на Чу Яньчжоу.

Строго говоря, ему и раньше доводилось делить с кем-то постель.

В детстве, когда на Новый год вся семья съезжалась в деревню, крольчат собиралось великое множество. Их, сверстников, без церемоний укладывали на одну широкую кровать, где они несколько дней спали вповалку, согревая друг друга.

Именно поэтому он убеждал себя, что сможет отнестись к совместной ночевке спокойно. В конце концов, иметь под боком живую грелку — весьма практично.

Тем более что инициатором выступил он сам. Отступать теперь было просто малодушно.

Но...

Взгляд его упал на широкую спину Чу Яньчжоу, и уши юноши мгновенно вспыхнули пунцовым цветом. Он тут же с головой зарылся под одеяло.

Мысленно вопя и катаясь по матрасу от неловкости, Цзянь Чэнь судорожно сжал подушку. Больше всего на свете ему сейчас хотелось изобрести машину времени, вернуться на пару часов назад и зажать рот самому себе.

На постели образовался плотный шевелящийся кокон — юноша сжался в комочек, пытаясь стать как можно незаметнее.

Застегнув пуговицы на пижаме, Чу Яньчжоу обернулся и застал эпичную картину: одеяло на кровати ходило ходуном, а под конец из-под него высунулась тонкая рука и в сердцах стукнула по матрасу.

Цзянь Чэнь наивно полагал, что его метания остаются незамеченными. Он не услышал, как бесшумно приблизился Чу Яньчжоу, пока край одеяла резко не приподнялся, впуская мужчину внутрь.

От внезапного прилива тепла сердце Цзянь Чэня испуганно екнуло. Застыв, он робко приподнял голову и нос к носу столкнулся с Чу Яньчжоу, который тоже забрался под одеяло и теперь с мягким любопытством смотрел на него.

— Почему не спишь? — тихо спросил Чу Яньчжоу.

Чисто инстинктивно выставив перед собой подушку-морковку как щит, Цзянь Чэнь зажмурился и выпалил первое, что пришло в голову:

— Сплю я! Я уже сплю, меня здесь нет.

Чу Яньчжоу лишь понимающе усмехнулся. Он осторожно потянул на себя плюшевую морковь и уложил ее ровно посередине постели, разделив их спальные места.

— Похоже, сегодня мою работу уже выполнил этот овощ, — со вздохом притворного разочарования произнес он. — Что ж, придется мне подождать до завтрашней ночи.

<http://bllate.org/book/18358/1798199>